

Саржина Оксана Владимировна

**РУССКИЕ ИНВЕКТИВНЫЕ ИМЕНА ЛИЦА:
КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2005

Работа выполнена
В Томском государственном университете

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Лебедева Наталья Борисовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Демешкина Татьяна Алексеевна

кандидат филологических наук,
доцент Солодова Мария Александровна

Ведущая организация:

Томский государственный педагогический университет

Защита состоится «30» ноября 2005 г. в ____ ч. ____ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского университета.

Автореферат разослан «31» октября 2005 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Захарова Л.А.

Общая характеристика работы

Диссертационная работа посвящена комплексному исследованию одной из групп русских языковых инвектив – инвективным именам лица (далее – ИИЛ), под которыми понимаются имена лица с негативной (в других терминах – отрицательной, дерогативной, пейоративной) эмоциональной оценкой (*гад, болван, грязнуля, слизняк, шалава* и т.п.).

В настоящее время термин «инвектива» широко употребляется в научной литературе, однако объем его значения варьируется в разных работах. В данном сочинении «инвектива» выступает в качестве синонима слова «оскорбление» и используется для обозначения двух разноуровневых явлений: 1) явления языка, т.е. лексической единицы и 2) явления речи, т.е. дискурса.

Под языковым явлением инвективы понимается негативная эмоционально-оценочная (дерогативная, пейоративная) лексическая единица, способная выступать в речи в инвективной функции (т.е. функции отрицательного воздействия – оскорбления, унижения, обиды и т.д.). Для обозначения данного явления также используется термин «инвективная лексическая единица», «инвективная лексика».

Под речевым явлением инвективы понимается текст в совокупности его лингвистических, паралингвистических (мимика, жест) и экстралингвистических компонентов, который посредством отрицательной эмоциональной оценки объекта-адресата (инвектума) выражает намерение субъекта (инвектора) отрицательно воздействовать на его эмоциональное состояние, ценностную парадигму и поведение. Для обозначения данного явления также используется термин «инвективный дискурс».

Актуальность исследования. В представляемой работе русские ИИЛ анализируются с позиций одного из приоритетных в последнее время лингвистических подходов – антропоцентрического подхода, реализация которого обусловлена ярко выраженным антропоцентризмом инвективы в целом, т.е. ее способностью концентрировать в себе информацию о субъекте (его эмоциях, интенциях, аксиологической шкале, социальном статусе и т.д.) и содержать направленность на воздействие на объект-адресат. Выбор имен лица в качестве объекта исследования среди обширного массива инвективной лексики объясняется тем, что антропоцентричность языка предопределяет особое положение данных языковых единиц – «они всегда находятся в центре системы языка и внимания говорящих» [Ермакова О.П., 2001].

Лингвистический экспансионизм последних десятилетий актуализирует разноплановое рассмотрение инвективы во всей полноте ее социокультурного функционирования (дискурс, инвектива как агрессия, ее связь с толерантностью, конфликтом и т.д.). В представляемом диссертационном сочинении также реализуется данная исследовательская установка, которая обуславливает привлечение данных других наук – психологии, философии, конфликтологии и др., т.е. использование в работе элементов междисциплинарного подхода.

Актуальность исследования инвективного пласта лексики обусловлена также современными тенденциями в русской разговорной речи, одной из ведущих среди которых является инвективизация дискурса. В настоящий момент данное явление также характерно для англоязычной культуры, что актуализирует использование элементов контрастивного анализа русской инвективы на фоне английской.

Вышесказанное ставит комплексное изучение инвективы и ИИЛ (как одного из ядерных языковых инвективных средств) в ряд приоритетных исследований в русистике начала XXI века.

Объектом исследования являются инвективные имена лица современного русского языка.

В качестве **предмета** настоящего описания выступают содержательный и функциональный аспекты данных единиц.

Цель работы – представить комплексное описание русских инвективных имен лица в структурно-содержательном, функционально-языковом и функционально-речевом аспектах.

Для реализации поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**.

1. Выявить состав ИИЛ современного русского языка по различным источникам.
2. Исследовать семантику русских ИИЛ и охарактеризовать ее сложную когнитивную архитектуру. В рамках данной задачи решаются ряд подзадач.
 - А) Описать семантику ИИЛ в свете внутрисистемного подхода, представив ее в виде денотативно-коннотативной модели.
 - Б) Описать семантику ИИЛ с позиций коммуникативного статуса ее компонентов, представив ее в виде ассертивно-пресуппозициональной модели, т.е. семантической матрицы, в которой выделяется эксплицитная (ассертивная) и имплицитная (пресуппозициональная) части, а также наметить на основе ассертивных компонентов данной матрицы семантическую типологию русских ИИЛ.
 - В) Описать ИИЛ в свете ситуативно-событийно-пропозиционального подхода, предложенного Н.Б. Лебедевой [1999], в качестве результата представить полиситуативную модель семантики ИИЛ, т.е. ситуатему ИИЛ.
3. Охарактеризовать систему языковых функций ИИЛ.
4. Описать специфические особенности инвективного дискурса на фоне эмоционально-оценочного дискурса.

5. Отразить использование разных моделей семантики ИИЛ для описания дискурса.
6. Рассмотреть некоторые плоскости функционирования инвективы и русских ИИЛ на перекрестке культур, в частности русской и англоязычной.

Материал исследования. Эмпирической базой исследования является картотека (свыше 800 единиц) негативных эмоционально-оценочных имен лица, которая получена путем сплошной выборки имен лица с отрицательными эмоционально-оценочными пометами («бранное»; «презрительное»; «пренебрежительное»; «неодобрительное»; «укоризненное») из «Толкового словаря русского языка» в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова, «Словаря русского языка» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой, «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (свыше 600 единиц) и дополнена словарем бранных имен лица и оскорбительных этнических имен лица, собранных экспериментальным путем (около 200 единиц).

Картотека контекстов составлена на основе рассказов А. Солженицына, В. Шукшина, произведений М. Булгакова «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита», а также газетных публикаций. Кроме того, в нее включены записи устной речи, отрывков из современных кинофильмов и данные «Национального корпуса русского языка» [<http://www.ruscorgo.ru>].

В качестве фоновой основы исследования межкультурного функционирования русской инвективы выступают две картотеки, которые созданы на основе сплошной выборки английских ИИЛ из «Оксфордского словаря современного английского языка для продвинутого этапа обучения» (около 60 единиц) и «Словаря американского слэнга» (свыше 500 единиц), а также используются данные словаря «Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners», электронного словаря «АВВУ Lingvo 9.0» и параллельные тексты-переводы рассказов В. Шукшина, произведения М. Булгакова «Собачье сердце».

Научная новизна работы.

Эмоционально-оценочный языковой фонд изучался исследователями на материале разных языков в разных аспектах: семантическом, функциональном, лексикографическом, дискурсивном, аспекте межязыковой эквивалентности и др. (И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, О.И. Блинова, Н.А. Вострякова, Н.А. Дарбанова, Л.И. Захарова, Г.Г. Кошель, Н.А. Лукьянова, А.А. Миллер, Е.Ф. Петрищева, А.Ю. Романов, В.Н. Теля, З.К. Темиргазина, Т.А. Трипольская, М.И. Черемисина, В.И. Шаховский, М.В. Шилина, Е.А. Юрина и др.). Научная новизна настоящей работы заключается в следующем.

1. До настоящего момента русские ИИЛ не выделялись в качестве объекта отдельного исследования.
2. Диссертация представляет собой первое комплексное исследование данных языковых единиц.
3. Содержательная структура ИИЛ впервые описана:
а) с позиции коммуникативного статуса семантических компонентов; б) с позиции полиситуативности.
4. Представлен опыт системного описания функций инвективы на примере русских ИИЛ. Ранее рассматривались лишь отдельные функции инвективной лексики.
5. Выделен особый вид дискурса – инвективный дискурс, описаны его характерные особенности.

Теоретическое и практическое значение работы. Предлагаемые в работе модели описания семантики ИИЛ и результаты исследования функционирования данных единиц могут быть использованы при дальнейшей разработке теории инвективы и создании своего рода русского национального инвективного портрета, а также инвективного портрета отдельной личности. Полученные данные могут быть также использованы для изучения другого лексического материала.

Выделенный в работе инвективный дискурс является сложным целым, компоненты которого входят в сферу интересов разных наук. Таким образом, основные положения и выводы работы могут найти применение в различных дисциплинарных и междисциплинарных теоретических исследованиях.

Практическая ценность диссертационного сочинения заключается в возможности использования его материалов в лексикографических работах, в вузовской практике при составлении лекционных курсов и спецкурсов по разным дисциплинам (в том числе возникшим на стыке разных отраслей научного знания: лексикологии, этнолингвистике, психоллингвистике, культуре речи, теории перевода, юрислингвистике, конфликтологии, социологии, психологии и др.), а также в процессе юрислингвистического анализа оскорбительности текста.

Методы исследования. Основным исследовательским методом, применяемым в данной работе, является метод научного описания, который реализуется в ряде приемов: компонентного анализа, внутренней интроспекции, лингвистического эксперимента. Элементы контрастивного (сравнительно-сопоставительного) метода (русский язык на фоне английского языка) используются для выявления тех особенностей русских ИИЛ, которые остались без внимания при одноязычном исследовании.

Апробация работы. Основные положения исследования изложены в виде докладов на научно-практической конференции «Русская речевая культура XX века» (Ачинск – Красноярск, 1999); на Региональной филологической конференции молодых учёных (Томск, 2000); на II региональной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики»

(Томск, 2001); на Всероссийской школе молодых учёных «Картина мира: язык, философия, наука» (Томск, 2001); на I межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2001); на VII международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 2001); на Всероссийских конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (Томск, 2002, 2003); на международной научной конференции «Актуальные проблемы русистики» (Томск, 2003); на международных конференциях «Дульзонские чтения» (Томск, 2000, 2002, 2005).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и четырех приложений. Основной текст диссертации изложен на 203 страницах (в том числе 27 страниц библиографии).

Основное содержание работы

Во **введении** предлагается определение термина «инвектива», дается его понимание как явления языка (отрицательная эмоционально-оценочная лексика) и явления речи (дискурс). Далее обосновывается тема диссертационного сочинения, выделяются его объект и предмет, отражается актуальность исследования, его цель и задачи, дается характеристика материала, отмечается новизна исследования. Затем излагаются теоретическое и практическое значение работы, методика исследования и положения, выносимые на защиту.

Соответственно общему замыслу в **первой главе «Инвективные имена лица в структурно-содержательном аспекте»** ИИЛ описываются с позиций многогранности и нелимитированности семантики. Данная теоретическая установка обуславливает представление семантики исследуемых единиц в виде разных моделей: денотативно-коннотативной, ассертивно-пресуппозициональной и полиситуативной.

В **разделе 1.1.** содержательная структура ИИЛ рассматривается в рамках традиционной модели семантики языковой единицы, в которой выделяются два макрокомпонента – денотативный и коннотативный (И.В. Арнольд, О.С. Ахманова, О.И. Блинова, Н.А. Лукьянова, Т.А. Трипольская, Д.Н. Шмелев, и др.).

В настоящее время не существует единого понимания структуры коннотативного макрокомпонента. В данной работе мы исходим из того, что ИИЛ фиксируют и способны передавать в речи оба вида информации – денотативную и коннотативную – с преобладанием второго. Коннотативная информация в ИИЛ охватывает:

а) оценочную;
б) эмоциональную; в) функционально-стилистическую. Например, на основе анализа словарных статей и результатов эксперимента выявляется следующая информация, зафиксированная словом *слонтяй*.

- 1) **Денотативная информация:** человек со слабым характером, волей, часто жалующийся по разным поводам, несамостоятельный (словарные дефиниции, эксперимент).
- 2) **Коннотативная информация:** а) оценочная: отрицательная – «это плохо»; б) эмоциональная: преобладают отрицательные эмоции презрения и пренебрежения (помета *презр.*; эксперимент: презр. – 38% информантов; пренебр. – 52 %; гнев – 10 %); в) функционально-стилистическая: слово употребляется в разговорном стиле, бытовом просторечии (пометы *разг., фам.*).

Кроме обязательных коннотативных компонентов (оценочного, эмоционального и функционально-стилистического), характерных для всех единиц данной лексико-семантической группы, в содержании ряда ИИЛ выделяется идеологический коннотативный компонент, который отражает мировоззрение субъекта, т.е. его классовые, политические, религиозные и этнические взгляды (Ю.Д. Апресян, В.И. Говердовский, И.М. Кобозева, Н.Г. Комлев). Идеологический компонент представлен в таких словах, как *буржуй, господин, жид, товарищ, чукча* и т.д.

Денотативный и коннотативный макрокомпоненты в лингвистической литературе обозначаются различными терминами. Для описания семантики ИИЛ в рамках ассертивно-пресуппозициональной модели автор использует дихотомию терминов «диктум – модус». Данная модель представлена в **разделе 1.2.**, в котором диктумно-модусная содержательная структура ИИЛ рассматривается с точки зрения коммуникативного статуса семантических компонентов.

Под **ассерцией** понимается часть значения слова, попавшая в коммуникативный фокус (лексикализованное значение). К **пресуппозиции** относится вторая часть значения слова, которая содержит различные подразумеваемые компоненты и условия правильного употребления слова.

В основе ассертивно-пресуппозициональной модели семантики ИИЛ лежит матричная структура значения имени лица Н.Б. Лебедевой, в которой аспекты семантики представлены в виде 6 содержательных слоев: социального, речевого, ментального, психологического, физиологического и физического [1999].

Диктумная семантика любого имени лица может быть представлена в виде многослойной структуры, каждый из слоев которой состоит из набора компонентов, характеризующих тот или иной смысловой аспект имени лица. Данная структура представляет собой матрицу, состоящую из компонентов, обозначающих признаки человека – объекта восприятия, которые осознаются познающим субъектом как онтологически присущие данному объекту. В семантике отдельно взятого имени лица актуализируется один или несколько компонентов матрицы, которые составляют ассертивную часть значения данной языковой единицы,

например, в слове *балда* – компонент ‘глупость’ ментального слоя семантики. Оставшиеся компоненты матрицы представляют собой пресуппозициональную часть значения, которая потенциально может реализовываться в высказывании. Так, например, в слове *балда* компонент ‘пол’ физиологического слоя семантики является пресуппозициональным и представляет собой вариативную рамку «мужской \ женский». В высказывании эта вариативность снимается за счет актуализации одного из компонентов данной рамки. Например.

Женский пол: А беременная девушка, оказывается, давно мне что-то рассказывает, и, возможно, самое главное, я, *балда*, прослушала.

[Щербакова Г. Косточка авокадо]

Мужской пол: — Ты, Митька, *балда* все-таки, — сказал бригадир. — Дубина просто. [Шукшин В. Леся Селезнева с факультета журналистики]

В зависимости от структурного типа ассерции диктума выделяется 2 группы ИИЛ: 1) группа ИИЛ с минимальным объемом ассертивной диктумной информации, представленной единственным компонентом – ‘человек’, и 2) группа ИИЛ с расширенным объемом ассертивной диктумной информации. Первая группа в русском языке представлена бранными ИИЛ, такими как *недоносок, дьявол, сволочь и др.* (7% от общего количества исследованных ИИЛ). В данных единицах все компоненты матрицы семантики имени лица составляют пресуппозициональную часть значения. Ко второй группе относятся ИИЛ, диктум которых содержит дополнительную информацию об объекте, например, *осел, шалава, обжора* и т.п.

Анализ ассертивных компонентов в контексте матрицы семантики имени лица позволяет построить следующую типологию семантики русских ИИЛ в зависимости от структурной сложности входящих в ее состав семантических слоев.

- I. Психологический слой семантики (14 компонентов): жестокость; занудство; злость; капризность; неактивность; невнимательность; неестественность; неискренность; непостоянство; нервность/непредсказуемость реакции; пристрастие [к чему-либо]; слабая воля; трусость; упрямство.
- II. Физиологический слой семантики (10 компонентов): возраст – а) [юный], б) [старый]; здоровье [отсутствует]; пол – а) [мужской], б) [женский]; физическая сила [отсутствует]; удовлетворение потребности в гигиене – а) [мало], б) [много]; удовлетворение потребности во сне [много]; удовлетворение потребности в пище [много]; удовлетворение сексуальной потребности [много].
- III. Социальный слой семантики (6 компонентов): профессия; социальный статус; трудовая деятельность – а) [отсутствует], б) [неэффективно работает]; частная собственность – а) [много], б) [отсутствует или мало].
- IV. Речевой слой семантики (5 компонентов): речь – а) [мало], б) [много]; речь [многословие]; речь [неистинность]; речь [нерелевантность].
- V. Ментальный слой семантики (4 компонента): знания – а) [много], б) [мало]; образ мышления [нестандартный]; уровень интеллекта [низкий].
- VI. Физический слой семантики (3 компонента): лицо; фигура – а) [полнота], б) [рост]; физический слой семантики [общая характеристика].

Психологический и физиологический слои семантики ИИЛ выделяются многокомпонентностью (14 и 10 компонентов соответственно). Структурная сложность психологического слоя семантики ИИЛ обусловлена неоднозначностью эмоционально-волевой сферы самого объекта номинации – человека. Данная сфера, с одной стороны, является ингерентной, с другой – достаточно сложной для рационального восприятия и классификации. На уровне семантики ИИЛ первая особенность отражается в экспансии психологического слоя семантики (его компоненты выступают в качестве периферийных в ассерции ИИЛ с ядерными компонентами других семантических слоев), вторая – в многокомпонентности психологического слоя. Поликомпонентность физиологического слоя семантики ИИЛ обусловлена традиционным осмыслением человека как носителя животного и духовного начал. Преобладание «животных» характеристик над «человеческими» порицается в обществе, что в семантике ИИЛ отражается в значительном количестве компонентов физиологического слоя, отражающих ту или иную анимальную сторону человека.

Особое место в типологии семантики ИИЛ занимает физический слой, т.к. он является единственным слоем, представленным в ассерции ИИЛ (помимо 3 компонентов) не расчлененно. Это обусловлено субъективностью вида оценки физических параметров человека – эстетической оценкой, которая является эмоциональной и не подразумевает актуализации ее оснований.

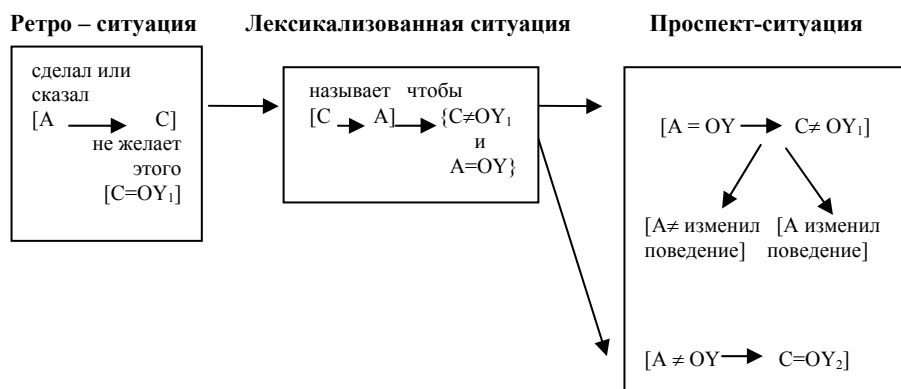
Диффузность семантических слоев обуславливает наличие в семантике русских ИИЛ компонентов, обладающих свойствами нескольких слоев одновременно. Среди них преобладают компоненты с социальной составляющей, что свидетельствует о важности общественной сферы в жизни человека.

1. Ментально-психологические компоненты: коварство; легкомысленность; хитрость; хитрость [отсутствует].

2. Социально-ментальный компонент: образование [мало].
3. Социально-психологические компоненты: гордость [много]; жадность; жадность [отсутствует]; лень; стыд [отсутствует].
4. Социально-речевые компоненты: артикуляция [не качественная]; громкость/тембр – а) [высокая], б) [низкая]; скорость [высокая]; вежливость [отсутствует]; открытость [отсутствует]; приличие [отсутствует]; скромность [отсутствует].
5. Социально-физический компонент: внешний вид.
6. Ментально-психологически-физиологические компоненты: деятельность – а) [выгода], б) [физиологическая неловкость].
7. Социально-деятельностные компоненты: взаимодействие с другим Человеком – а) взаимодействие с Ч-2 [зависимость материальная], б) взаимодействие с Ч-2 [ущерб :: частная собственность / ментально-психологический / физический], в) взаимодействие с Ч-2 [повышение статуса], г) взаимодействие с Ч-2 [сексуальное], д) взаимодействие с Ч-2 [речь], е) взаимодействие с Ч-2 [выгода] + взаимодействие с Ч-3 [ущерб].

В модус ИИЛ входят оценочный и эмоциональный компоненты, которые связаны между собой. Эмоциональная оценка, в свою очередь, связана с диктумной информацией, выступающей в качестве ее основания. Исключение составляет такой компонент, как 'пол', который, несмотря на маркированность в ряде ИИЛ (*врун - врунья*), не является основанием эмоциональной отрицательной оценки. Модус ряда ИИЛ (*чукча, буржуй и др.*) также содержит идеологический компонент, который характеризуется временной соотносительностью, выражающейся в варьировании ассертивно-модусной структуры ИИЛ.

В разделе 1.3. представлена полиситуативная плоскость семантики ИИЛ. Содержательная структура данных единиц описана в виде ситуатемы, представляющей собой когнитивную рамку ситуации, для которой характерно употребление данных инвектив. В ситуатеме выделяются Ретро-ситуация, Лексикализованная ситуация и Проспект-ситуация. Фациенты ситуатемы: а) два субстанциональных – С (субъект Лексикализованной ситуации) и А (Адресат Лексикализованной ситуации); б) делиберативно-перцептивный Участник (ДПУ – текст); в) два абстрактных Участника – Ущерб и Заинтересованность. Типовая ситуатема ИИЛ выглядит следующим образом.

Ретро-ситуация русских ИИЛ представлена 3 типами в зависимости от содержания ассертивной информации: 1) инвариантная Ретро-ситуация; 2) переменная (аморфная) Ретро-ситуация; 3) поливариантная Ретро-ситуация.

Инвариантная Ретро-ситуация характерна для слов, содержащих мотивировку своей инвективности, т.е. отрицательные признаки, лежащие в основе негативной эмоциональной оценки, например, *дура* (глупость), *бездельник* (ничего не делает), *молокосос* (молодость), *изверг* (жестокость), *кретин* (глупость), *шакал* (подхалимство) и т.п.

Переменная (аморфная) Ретро-ситуация представлена в словах, мотивировка инвективности которых может быть выявлена только из контекста. Данные ИИЛ являются бранными словами, ассертивная структура которых представлена минимальными компонентом 'человек', например, *зараза, черт, падло* и т.п. Пресуппозициональные компоненты представляют собой потенциальные семы, которые могут реализовываться в высказывании. Ретро-ситуация, таким образом, представляет собой широкую «панораму возможных миров», один или несколько из которых проявляются в конкретном контексте.

Существует еще один промежуточный тип Ретро-ситуации, который можно назвать поливариантным. Данным видом Ретро-ситуации характеризуются ИИЛ, мотивировка инвективности которых, как и у ИИЛ с инвариантной Ретро-ситуацией, узואльно закреплена, однако, как и у ИИЛ с вариабельной Ретро-ситуацией, она может варьироваться. В основе этого варьирования лежит особенность ассертивной диктумной семантики данных ИИЛ, которая состоит в том, что связь между семантическими компонентами очень слабая, что обуславливает реализацию одного из них в определенном контексте. Реализация других узואльно зафиксированных диктумных компонентов не является обязательной, а лишь потенциально возможна. Поливариантная Ретро-ситуация характерна для многозначных ИИЛ, например, *ведьма, молчун* и пр.

Во **второй** главе «Русские инвективные имена лица в функциональном аспекте» отражен функционализм современной лингвистической парадигмы.

В **разделе 2.1.** представлен один из способов решения проблемы количества и системного представления функций языковых единиц на материале ИИЛ. Автор исходит из того, что в качестве основы функционирования лексических единиц в речи выступают системно-языковые параметры слова, а именно – его информационно-содержательная структура, обусловленная когнитивно-аккумулятивным свойством языка. Под функцией языковой единицы понимается назначение данной единицы, реализуемое говорящим в процессе коммуникации. Телеологический аспект данного определения ставит автора на позицию монофункционализма, в рамках которой признается, что «языку свойственна лишь одна функция – коммуникативная, включающая в себя в полном единстве все слагаемые информационного содержания, передаваемого средствами языка» [Колшанский Г.В., 1979]. В реальном высказывании данная гиперфункция выступает в виде одной из своих разновидностей, что представлено в таблице.

КОММУНИКАТИВНАЯ ГИПЕРФУНКЦИЯ (как средство общения)	1. Экспликативная функция (функция передачи информации)	а) экспликативно-дескриптивная ф-ция
		б) экспликативно-аксиологическая ф-ция
		в) экспликативно-катарсическая ф-ция
		г) экспликативно-стилеразличительная ф-ция
	2. Номинативная функция	
	3. Волонтеративная функция (функция воздействия)	а) волонтеративно-инвективная ф-ция
		б) волонтеративно-дидактическая ф-ция
		в) волонтеративно-магическая ф-ция
	4. Обобществляющая функция (объединяющая)	а) обобществляюще-фатическая ф-ция
		б) обобществляюще-социализирующая ф-ция
5. Эстетическая функция		

Основой функционирования ИИЛ является экспликативная функция, т.к. именно ее актуализация служит базисом для реализации в высказывании других разновидностей коммуникативной гиперфункции. Ведущее место в языковом функционировании данных единиц занимают волонтеративно-инвективная, экспликативно-аксиологическая и экспликативно-катарсическая функции, что обусловлено содержательной структурой ИИЛ, а именно – их высокой негативной экспрессивностью.

В **разделе 2.2.** инвектива рассматривается с позиций экспансионизма и экспланаторности современной лингвистики

1) как дискурс; 2) как вид агрессии; 3) как явление, характеризующееся национальной специфичностью; 4) как конфликтогенный фактор и т.д.

Инвектива выделяется автором в качестве особого вида дискурса – инвективного дискурса (ИД), который имеет ряд сходств с эмоционально-оценочным дискурсом, однако в то же время обладает определенной спецификой. Основные особенности ИД в работе охарактеризованы на примере контекста из рассказа В. Шукшина «Миль пардон, мадам!».

Домой Бронька приходит мрачноватый, готовый выслушивать оскорбления и сам оскорблять. Жена его, некрасивая толстогубая баба, сразу набрасывается:

- Чего как пес побитый плетешься? Опять!
- Пошла ты!.. – вяло огрызается Бронька. – Дай пожрать.
- Тебе не пожрать надо, не пожрать, а всю голову проломить безменом! - орет жена. – Ведь от людей уж прохода нет!..
- Значит, сиди дома, не шляйся.
- Нет, я пойду счас! Я счас пойду в сельсовет, пусть они тебя, дурака, опять вызовут! Ведь тебя, дурака беспалого, засудят когда-нибудь! За искажение истории...
- Не имеют права: это непечатная работа. Понятно? Дай пожрать.
- Смеются, в глаза смеются, а ему... все божья роса. Харя ты неумытая, скот лесной!.. Совесь-то у тебя есть? Или ее всю уж отшибли? Тыфу! – в твои глазыньки бестыжие! Пупок!..

Бронька наводит на жену строгий злой взгляд. Говорит негромко с силой:

- Миль пардон, мадам... Счас врежу!..

Жена хлопала дверью, уходила прочь – жаловаться на своего «лесного скота».

Специфика ИД состоит в следующем: 1) в его основе лежит лишь один полюс эмотивно-оценочной модальности – негативный;

2) доминирующей чертой ИД является негативная окраска эмотивно-оценочной (инвективной) лексики (ср. в приведенном примере – *нес побитый, плетешься, пожрать, дурак, врежу* и т.д.);

3) для ИД характерна высокая степень отрицательной экспрессивности вследствие сложения смыслов негативной эмотивно-оценочной и нейтральной лексики (например, *голову проломлю, дурак беспальный* и т.д.), что обусловлено предыдущей особенностью данного вида дискурса; 4) основной интенцией в ИД является интенция воздействия на поведение, эмотиональное состояние и ценностную парадигму объекта-адресата (Домой Бронька приходит мрачноватый, готовый *выслушивать оскорбления* [воздействие со стороны жены] и *сам оскорблять* [воздействие со стороны мужа].); 5) в основе эмотионального контекста инвективы лежат эмотии враждебности (гнев, злость, ненависть, презрение и др – злой взгляд).

Рассмотрение ИД как вида агрессии позволяет выделить также другие отличительные особенности данного вида дискурса по сравнению с эмотионально-оценочным дискурсом, проиллюстрированные в следующем контексте.

Наум ждал зятя за поворотом. Увидев его живого и невредимого, искренне обрадовался:

- Живой? Слава те господи! – На совести у него все-таки было нелегко.

- Живой! – откликнулся Иван. – А ты тоже живой?

Наум почувал в голосе зятя недоброе. На всякий случай зашагнул в сани.

- Ну, что они там?..

- Поклон тебе передают. Шкура!..

- Чего ты? Лаешься-то?..

- Счас я тебя бить буду, а не лаяться. – Иван подходил к саням. [Шукшин В. Волки]

Данный контекст является инвективой, т.к. оскорбление со стороны Ивана (инвектора) **а)** направлено против человека – тестя Наума (инвектума); **б)** который не желает подобного обращения (чем вызваны его слова «*Чего ты? Лаешься-то?..* »); **в)** это оскорбление намеренно (Иван открыто угрожает «*Счас я тебя бить буду, а не лаяться*»). Таким образом, инвектива (ИД) является намеренным, активным, прямым (так называемым «в глаза») или непрямым («за глаза») вербальным оскорблением или вербальным причинением вреда другому человеку, не желающему подобного поведения. Она делится на реактивную (вербальную реакцию на осознаваемую угрозу) и проактивную (оскорбительное вербальное поведение с целью достижения различных внешних выгод) Например, ссора мужа и жены из художественного фильма «*Ниагара*».

- *Алкоголик! Бабник! Говорила – уйду к маме!* (проактивная инвектива с точки зрения статистики, реактивная – с точки зрения динамики, т.к. в пропозиции лежат такие ситуации как «муж напился», «не принес денег», «обозвал или ударил», «он делает это часто» и т.д. – панорама ретроспективных пропозиций; в проспективной панораме – возможная реакция мужа: «ударит», «оскорбит словом», «промолчит» и т.д.)

- *Ой, да иди, иди! Психопатка!* (реактивная инвектива)

Инвективный дискурс тесно связан с понятием конфликта. Он относится к сфере его интолерантного разрешения и представляет собой один из видов насилия. В.С. Третьякова [2000] выделяет два параметра, характеризующие причины и характер конфликта, – антропологический и лингвистический. Последний, в свою очередь, включает в себя разницу в структуре и объеме кода (языка) участников коммуникативного акта («грамматика» говорящего и «грамматика» слушающего). Соотношение объективной и субъективной метаязыковой информации, содержащейся в ИИЛ в рамках индивидуальных языковых систем Говорящего и Слушающего, в инвективном и неинвективном дискурсах влияет на коммуникативный результат и является ярким конфликтогенным фактором в дискурсе, что представлено в таблице.

		Говорящий	Слушающий	Коммуникативный результат
А) Инвективный дискурс	1	<u>Объективная</u> метаязыковая информация	<u>Субъективная</u> метаязыковая информация	Инвективная цель – неинвективный результат, <u>неконфликт</u>
	2	<u>Объективная</u> метаязыковая информация	<u>Объективная</u> метаязыковая информация	Инвективная цель – а) инвективный результат, <u>конфликт</u> ; б) неинвективный результат, <u>неконфликт</u>
Б) Неинвективный дискурс	3	<u>Субъективная</u> метаязыковая информация	<u>Объективная</u> метаязыковая информация	Неинвективная цель – а) неинвективный результат, не смена дискурса, <u>неконфликт</u> ; б) инвективный результат, смена дискурса на инвективный, <u>конфликт</u>

Психологическая природа инвективы, с одной стороны, обуславливает ее общечеловеческий, интернациональный характер, т.к. нет нации, которой был бы незнаком феномен агрессии и, как следствие, нет языка, в котором бы не существовало способов выражения данного феномена. Национальная специфика инвективы состоит не в факте ее наличия или отсутствия в разных национальных языках, т.к. психологическая (агрессивная) основа данного явления предопределяет безусловное наличие вербального способа сублимации агрессии в любом языке, а в способах языкового выражения агрессивного состояния, характерных для отдельно взятого языка или группы языков. Данные особенности обусловлены особенностями картины мира определенной национально-языковой общности, ее национально-культурными нормами и ценностными установками. Таким образом, инвектива – это универсальная субстанция, форму которой придает определенный национальный язык, функционирующий в рамках конкретной культуры.

Предпринятый контрастивный анализ ИИЛ показал, что национальная специфика русских ИИЛ заключается в особенностях семантического отражения концепта «Человек», а также языкового функционирования.

Уже на этапе сбора материала обращает на себя внимание несовпадение русской и английской систем эмоционально-оценочных помет, которыми снабжены ИИЛ в русскоязычных словарях (СУ, СРЯ-4, СО, РА) и словарях английского языка (Collins, COD, OALD). Основные отличия состоят в следующем. Прежде всего, это различие в сферах (объекта или субъекта оценки), описывающихся при помощи помет. В русскоязычных пометах (укоризненное, презрительное, пренебрежительное, неодобрительное и др.) преобладает выражение отношения субъекта к объекту эмоциональной оценки, т.е. характеризуется сфера субъекта, в то время как в англоязычной лексикографии (pejorative (уничижительное), derogatory (оскорбительное), offensive (обидное, оскорбительное)) пометы преимущественно отражают то воздействие, которое слово оказывает на объект, т.е. описывают сферу объекта. Такое маркирование русских лексических единиц языка отражает один из ключевых мотивов русской языковой картины мира – внимание к нюансам человеческих отношений, выраженное в вопросе «Как ты ко мне относишься?». Другим отличием русскоязычной системы помет является наличие эмоциональных помет («презрительное», «пренебрежительное»), которые не встречаются в англоязычных словарях. Это свидетельствует об актуальности эмоционального компонента для русского человека, стремящегося категоризировать эмоциональные состояния и выделить средства их выражения. Англичане же, напротив, считают открытое проявление эмоций нескромным, вульгарным и антисоциальным.

На уровне семантики выявлены следующие особенности русских ИИЛ. В содержании русских ИИЛ отражается важность этических оценок для русского сознания. Такие этические концепты, как гордыня и отсутствие стыда, представленные в семантике русских ИИЛ компонентами 'гордость [много]' и 'стыд [отсутствует]' (*гордец, спесивец, срамник, бесстыдник и др.*), не представлены именами лица в английском языке, а передаются описательно (*shameless person* – бессовестный человек, *arrogant person* – высокомерный человек), что снижает категоричность оценки. Национально обусловленной также является количественная норма речевого поведения. В русском языке представлены как информативный избыток в речи (*говорун,*

разговорщик), так и информативный недостаток (*молчун, молчальник*). Английскими ИИЛ недостаточное количество содержащейся в речи информации не представлено. Это объясняется тем, что в Великобритании не считается грубым хранить молчание; наоборот, грубым считается слишком много говорить, т.е. силой навязывать себя другим.

На функционально-языковом уровне национальная специфика русских ИИЛ состоит в том, что в русском языке группа ИИЛ, способных утрачивать номинативную функцию и выступать в катарсической функции в высказывании, шире по сравнению с английским языком (12 единиц (*черт, дерьмо и др.*) и 2 (*devil, shit*), соответственно).

Важным аспектом контрастивных исследований является совокупность проблем, связанных с теорией и практикой переводческих работ. Одним из основных дискуссионных вопросов переводоведения выступает эквивалентность оригинала и его перевода. В теории перевода под эквивалентностью понимается «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [Виноградов В.С., 2004]. Представленная в данном исследовании ассертивно-пресуппозициональная модель семантики ИИЛ, а также набор их языковых функций могут быть использованы для решения проблемы эквивалентности перевода. Под эквивалентностью исходного инвективного текста и его перевода мы понимаем сохранение основной функции инвективы – воздействия, а также эквивалентную передачу экспликативной функции, т.е. максимальную адекватность передачи выражаемой в исходном тексте информации (диктумной, оценочной, эмоциональной, функционально-стилистической) средствами языка перевода. В качестве примера приведём два варианта перевода отрывка из рассказа В. Шукшина «Волки». [Тесть оставил зятя одного в лесу, когда на лошадь зятя напали волки.]

- Я же тебе бросил топор? Ты просил, я бросил. Чего ещё-то от меня требовалось?
- Самую малость: чтоб ты человеком был. А ты – шкура. Учить я тебя всё равно буду.

1. “I threw you an axe, didn’t I? I did what you asked. What more was expected of me?”

“Only a very little – for you to be a human being. But *all you care about is yourself*. I’ll give you a lesson all the same”.

[Перевод Р. Даглиша]

2. “Didn’t I throw you an ax? You asked me to – and I did. What more was I s’posed to do?”

“Not much. Just act like a human being, that’s all. But you’re just a *selfish bastard*. I’m gonna teach you a lesson.” [Перевод

Л. Микаел и Д. Дживенса]

Слово *шкура* в тексте В. Шукшина в рамках экспликативной функции выражает следующую информацию:

- а) *денотативную* – о человеке продажном, корыстном, преследующем только свою личную выгоду [СРЯ-4];
- б) *оценочную* – отрицательная оценка;
- в) *эмоциональную* – отрицательные эмоции («...и злость великая взяла на тестя»);
- г) *функционально-стилистическую* – просторечие, употребляется как бранное слово [СРЯ-4].

В первом из представленных переводов сохранена дескриптивная функция, в то время как аксиологическая, катарсическая и стилеразличительная практически утрачены. Конструкция *All you care about is yourself* (Единственное, что тебя волнует, это ты сам), являясь эмфатической в английском языке, частично восполняет катарсическую функцию, но без аксиологической не передаёт полюса эмоций (положительного или отрицательного). Кроме того, инвективная лексика отличается лапидарным (компрессированным) способом упаковки информации, и её употребление в речи напоминает взрыв, при котором эта информация освобождается из оболочки слова. Передача этой информации при помощи полного предложения нивелирует данный взрыв и тем самым значительно снижает основную функцию инвективы – инвективное воздействие. Всё это позволяет говорить о неадекватности представленного перевода. Второй перевод представляется достаточно удачным, т.к. наиболее полно сохраняет экспликативную функцию: используется бранное слово *bastard*, которое компрессирует сравнительно эквивалентную русскому слову *шкура* оценочную, эмоциональную и метаязыковую информацию; денотативная информация передана определением *selfish* (эгоистичный, себялюбивый).

В заключении подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения инвективы.

Язык выполняет в обществе разнообразные функции, среди которых и волюнтаривно-инвективная функция, т.е. функция отрицательного воздействия на объект, причинения ему вреда. Реализация данной функции формирует особый вид дискурса – инвективный дискурс. Для выполнения волюнтаривно-инвективной функции язык обладает определенным «арсеналом» инвективных средств, в котором ИИЛ занимают центральное место, являясь наряду с инвективной интенцией дискурсообразующим средством инвективного дискурса.

Помимо волюнтаривно-инвективной функции ИИЛ выполняют ряд других функций, что обусловлено сложной когнитивной архитектурой инвективы. Использование комплексного подхода для исследования разных измерений данного явления (денотативно-коннотативного, коммуникативного, полиситуативного) позволяет изучить основы многофункциональности, конфликтогенности и дискурсообразующего потенциала

языковых инвектив.

Инвективный дискурс представляет собой вербальную агрессию. Несмотря на определенную положительную функцию (экспликативно-катарсическую), выполняемую данным видом агрессии в обществе, его деструктивная сила значительна, так как, создавая агрессивную логосферу, человек в последствии сам оказывается объектом влияния этой логосферы.

Инвектива функционирует как в рамках одной культуры, так и на перекрестке разных национальных культур. Опыт контрастивного анализа русской инвективы на фоне английской открывает перспективы проведенного исследования, т.к. детальное изучение национальной специфики инвективы как потенциального конфликтогенного фактора в межкультурном дискурсе является актуальным в настоящее время, когда человеческое общество вовлечено в процесс глобализации и вопросы межнациональной толерантности стоят особенно остро.

Дальнейшие исследования также могут пойти по пути изучения слоев семантики ИИЛ в номинативном аспекте, определении типологии семантики, которая лежит в основе их номинации и ее связи с ассерцией диктума. Типология ассертивной семантики русских ИИЛ, описанная в рамках шестислойной модели имени лица, может быть использована в качестве основы при составлении эмоционально-оценочного портрета человека в картине мира и определении его национально-культурной специфики.

В дискурсивном направлении исследований перспективным видится изучение инвективного инвентаря конфликтообразующих факторов и их взаимосвязи с инвективной лексикой, т.к. реальная ситуация речи представляет собой сложное единство всех ее составляющих.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Саржина О.В. О понятии «инвектива» (на основе сопоставительного анализа русского и английского языков) // XXII Дульзоновские чтения: Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание иностранных языков в средней и высшей школе. Материалы международной конференции (Часть I). – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2000. – С. 91-95.
2. Саржина О.В. Функции инвективной лексики (на примере инвективных имён лица) // *Juvenilia*. Тезисы докладов Региональной филологической конференции молодых учёных (24 марта 2000года). – Вып. V. – Томск: Издание ТГУ, 2000 г. – С. 93-95.
3. Саржина О.В. Инвектива как дискурс (на примере дерогативных имён лица) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. науч. статей и тезисов I межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных / Под ред. к.п.н., доцента, директора ИЯК ТПУ Н.А. Качалова. – Томск: Томский политехнический университет, 2001. – С. 139-140.
4. Саржина О.В. Психолингвистическое исследование обыденного метаязыкового сознания как один из критериев адекватности лексикографического отражения лексики // *Картина мира: язык, философия, наука*. Доклады участников Всероссийской школы молодых учёных (1-3 ноября 2001 года). – Томск: Издание ТГУ, 2001. – С. 86-87.
5. Саржина О.В. Полиситуативность инвективной лексики // IV Сибирская школа молодого ученого: Материалы VII международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (17-19 декабря 2001 г.): В 5 т. – Т.2: Лингвистика и филология. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2001. – С.105-109.
6. Саржина О.В. Экспликативная функция инвективы и ее отражение в переводе // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: Материалы междунар. конф. XXIII Дульзоновские чтения (Часть I). – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2002. – С. 97-102.
7. Саржина О.В. ИИЛ с идеологической коннотацией в русской и английской лексикографии // VI Общероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15-20 апреля 2002): Материалы конференции: Т.2: Лингвистика и филология. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2003. – С. 94-98.
8. Саржина О.В. Русская инвективная лексика в свете межязыковой эквивалентности (по данным словарей) // *Речевое общение: Специализированный вестник* / Красноярск. Гос. Ун-т; Под ред. А.П. Сковородникова. – Вып. 4 (12). – Красноярск, 2002. – С. 35-40.
9. Саржина О.В. Инвектива в социокультурном контексте // *Актуальные проблемы русистики: материалы международной научной конференции* (Томск, 21-23 октября, 2003). – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 292-297.
10. Саржина О.В. Пресуппозициональные компоненты в семантике имени лица и их отражение в переводе // VII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (14-18 апреля 2003 г.): Материалы конференции: Т.2: Лингвистика русский язык и литература. – Томск: Издательство ТГПУ, 2003. – С. 123-127.
11. Саржина О.В. Разница между языковыми кодами коммуникантов как конфликтообразующий фактор (на примере инвективных имен лица) // *Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права* / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 101-111.
12. Саржина О.В. Инвектива: языковая универсалия на перекрестке языка и культуры // *Картина мира: язык, литература, культура: Сб. науч. статей* / Отв. Ред. М.Г. Шкуропацкая. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – С. 188-192.
13. Саржина О.В. Функции инвективной лексики в высказывании (на примере инвективных имен лица) // *Юрислингвистика – 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка* / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 69-89.
14. Саржина О.В. Отражение коммуникативного идеала в языке (на материале русских и английских инвективных имен лица) // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: Материалы международной конференции XXIV Дульзоновские чтения. – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2005. – С. 160-161.